

Причины феномена массового национализма на современной Украине

© Даренский В. Ю.

© Darenskiy V.

Причины феномена массового национализма на современной Украине

Causes of mass nationalism in the contemporary Ukraine

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных процессов становления украинского радикального национализма, его сущности, исторических корней и социальных причин. Украинский радикальный национализм рассматривается как основная форма конструирования современной украинской идентичности в контексте ее исторического кризиса. На украинском эмпирическом материале анализируется концепт социального невроза как основы и фундаментальной причины радикального национализма. Формулируются и обосновываются характеристики украинского радикального национализма. Методологически работа основана на социально-психологическом подходе к национальной идентичности, конституированной с помощью националистического дискурса. Концепция «искусственности» украинской национальной идентичности, обоснованная Н. Ульяновым, позволяет сформулировать важные выводы о факторах, консолидирующих общность «сознательных украинцев» как социальную и политическую силу. Определены основные пути утверждения украинской идентичности в ситуации «расколотого общества».

Annotation. The article is devoted to investigate a new formation process of Ukrainian radical nationalism with regard to their essence, historical roots and social causes. Ukrainian radical nationalism is viewed as a basic form of the construction of contemporary Ukrainian identity in the context of its historical crisis. The concept of social neurosis as a root and fundamental cause radical nationalism are also analyzed on Ukrainian empirical material. Common characteristics of contemporary Ukrainian radical nationalism are formulated and grounded in research. Methodologically this article represents approach of social psychology towards analyses of national identity, which is constituted within nationalistic discourses. N. Uljanov's conception about "artificial" character of Ukrainian national identity allows to formulate an important conclusion about factors, that keep member of Ukrainian radical "conscious" community together as a social and political force. The main paths of representations of Ukrainian national identity in the situation of "clashed society" were defined.

Ключевые слова. Украина, национальная идентичность, радикальный национализм, социальный кризис, националистическая идеология.

Key words. Ukraine, national identity, radical nationalism, social crisis, nationalistic ideology.

Феномен радикального национализма, пришедшего к власти на территории современной Украины, не только является актуальным предметом социально-психологического исследования, но и важен с более широкой теоретической точки зрения, поскольку ставит важный вопрос: что является тем глубинным социально-психологическим и экзистенциальным основанием этого явления, которое позволяет ему существовать в XXI в.? В первую очередь требуют анализа и поиска причин две нижеследующие главные особенности современного радикального украинского национализма.

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич — доцент Луганского государственного университета им. В. Даля, кандидат философских наук, доцент.

Во-первых, современный украинский национализм давно уже не является маргинальным явлением, но приобрел *массовый* характер; он охватил как минимум половину населения Украины и ныне абсолютно доминирует в украинской политике, путем репрессий жестко подавляя всех своих оппонентов. В этом отношении украинский национализм является экстраординарным явлением для современной Европы и ныне имеет некоторые аналоги лишь в ряде стран Африки и Азии.

Во-вторых, современный украинский национализм сознательно декларирует свою преемственность по отношению к украинским нацистам 1930—1940-х гг., участвовавшим на стороне гитлеровской Германии в войне с СССР, а также в ставшем ее частью геноциде советских военнопленных и евреев, и более того, по собственной инициативе устроившим геноцид поляков. Кроме этого и по ряду идеологических признаков, о которых будет сказано далее, современный украинский радикальный национализм имеет много общего и с *идеологией классического нацизма* 1930—1940-х.

Как отмечает Ю. Бялый, в российском обществе царит «определенное недоумение: откуда взялась эта преисполненная ненависти к “москалям” и “омоскаленным” дьявольская сила, которая уже несколько месяцев (написано в мае 2014 г. — В. Д.) “панует” на Украине? Между тем, идеи, которые пропитывают эту силу, уже почти столетие инфицируют украинскую народную толщу. Эти идеи создали бандеровский нацизм и его военно-политическое воплощение в 30—40-х годах XX века... И эти же идеи в постсоветское время вышли на идеологический и политический простор... и создали предпосылки для попытки бандеровского рванша... Имя этим идеям — украинский нацизм» [2].

В недавних публикациях В. Н. Бабенко и Ю. И. Игрицкого по актуальной украинской тематике [1; 9] основное внимание было обращено на социально-исторические, политические и правовые аспекты гражданской войны на Украине. Но не менее актуальным является и исследование ее ментальных и идеологических предпосылок, возникших на Украине в период после 1991 г. В данной статье будут рассмотрены внутренние психологические мотивы обращения людей к идеологии украинского национализма как особому «состоянию души», более всего похожему на состояние души человека, вовлеченного в тоталитарную секту. И это не просто аналогия. По сути дела, «сознательные украинцы» всегда отличались и ныне отличаются сектантской психологией, жестко делящей людей на своих («избранных») и «врагов», для которых придумано множество оскорбительных наименований.

Чем же объясняются такие странности массового сознания, вследствие которых оно в ряде случаев опускается до откровенного неонацизма? В классическом исследовании В. Райха возникновение германского нацизма объясняется его функцией компенсатора болезненных комплексов массового сознания: «...ясно, что фашизм — это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека... склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т. е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с “величием нации”».

Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником “национального наследия” и “нации”. Это ощущение позволяет ему презирать “массы” и противопоставлять себя им в качестве индивидуума» [14. С. 10, 40]. Все эти психологические черты очень четко прослеживаются и в современном украинском радикальном национализме, особенно в его идеологических манифестациях. Эти черты могут как смягчаться на уровне индивидуального общения, так и, наоборот, радикализироваться в формах массовой агрессии, как это имело место на «майдане», при событиях в Одессе 2014 г. и особенно в период войны на Донбассе.

В ходе анализа социальных процессов в постсоветском обществе Л. Я. Гозман сформулировал одну из его ключевых проблем следующим образом: «...интерес, однако, представляет не столько насилие, исходящее от власти, сколько насилие, осуществляемое самими гражданами, точнее — внутренняя готовность к осуществлению насилия»; «терпимость к насилию, фактический отказ от традиционных моральных норм определяются, помимо прочего, еще и ощущением переходности нынешнего периода... постоянные разговоры о том, что наш сегодняшний день — это лишь переход от одного типа социального устройства к другому... что это состояние сугубо временное, преходящее, делает следование социальным нормам необязательным... Экстремальность, временность обстоятельств “списывает” и ложь, и жестокость» [3. С. 19, 21]. Очевидно, что именно эта закономерность и была использована теми политическими силами на Украине, которые уже с 1991 г. усиленно пропагандировали идеологию радикального национализма, добившись в конце концов ее широкого распространения на уровне массового сознания.

Известные киевские социологи Е. Донченко и А. Овчаров еще в 1999 г. в работе «Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса» констатировали наличие тяжелого социально-психологического невроза, свойственного массовому сознанию населения Украины. Он писали: «На примере современной Украины мы видим, как Разум, отбрасывающий человеческую мораль, великую религию и малые традиции, превращается в Безумие. На наших глазах на много десятилетий постарел и поглупел наш социум, разрушилась его энергия... В психологии такую ситуацию называют фрустрацией, а человек в таком состоянии закономерно реагирует либо агрессией, либо депрессией. За короткий отрезок времени средства массовой информации, обеспечивая “открытость и плюрализм” политики, сформировали мощную психологическую и техническую базу для обострения социальной фрустрации, обессиливания социального гражданского интеллекта наших людей, превратив их в рассредоточенную, политически беспечную толпу с элементарным мышлением и примитивными чувствами... Если политика времен социальных кризисов в психологическом аспекте традиционно выступает реальным средством использования иррациональности масс, то политика в Украине стала одновременно и иррациональным средством потенциального саморазрушения и самоуничтожения» [7. С. 175]. Вследствие этого доминантами массового сознания становятся эгоцентризм и комплекс неполноценности [7. С. 179].

Поэтому в такой ситуации «даже простые задачи — не утратить свой социальный статус, избежать снижения самооценки, а вместе с этим не лишиться уверенности в своих силах, сохранить необходимый круг общения, так называемую микросреду, не растерять систему собственных ценностей — на этом этапе социальной инволюции выполнить просто невозможно. Массы выступают как рассредоточенная анонимная толпа, требующая вождя и лидера, без которого ничего не сделать и даже не выжить. Массы — это не сумма индивидов. Это — толпа... Характер толпы — эмоциональный и капризный, своевольный и легкомысленный — определяет основные ее черты: пассивность, внушаемость, подчиненность, нетерпимость, коварство, склонность к экстремизму и крайностям» [7. С. 184].

Именно эти черты массы, превращающейся в «толпу», становятся почвой для рецидивов фашистской идеологии и практики. Л. Г. Ионин отмечает, что «фашистская психология произросла на почве массового общества», источник фашистской власти — «страх каждого отдельного индивида. В массе он ищет укрытия от страха. В массе же вместе со страхом он утрачивает и ответственность за свои деяния» [10. С. 154, 156].

Е. Донченко и А. Овчаров выделили и специфический механизм формирования агрессивной толпы, готовой к самым радикальным действиям против тех, на кого ей укажут как на «врага»: «...на данном этапе мы как социум пребываем в самом низком энергетическом состоянии, в состоянии, которое можно было бы назвать наиболее примитивным по отношению к самим себе, в состоянии “освобожденности” ото всего приобретенного культурой, но с сохранением иррациональных чувств. Именно они и препятствуют поступлению чужеродной информации»; это состояние авторы называют «закапсулированностью народа» [7. С. 189].

* * *

Показательной и научно корректной является книга «Фашизм в Украине: угроза или реальность?», в которой собраны статьи двух известных украинских политиков и публицистов Г. Крючкова и Д. Табачника. Как сказано в аннотации к ней, авторы «призывают читателя осознать эту угрозу и выступить на борьбу с ней, пока не стало слишком поздно... фашизм необходимо остановить в Украине именно сегодня, пока он не набрал силы и не разрушил страну». Авторы пишут о том, что «вся майданная политика — это калыка оккупационной не только по содержанию, но и по форме. Только слабость режима пока не дает поклонникам “Нахтигалья” и этнических чисток вновь во всю силу показать, что “наша власть должна быть страшной” (С. Бандера)» [11. С. 270]. Это было написано в 2008 г., а неофашистский госпереворот на втором «майдане» произошел в 2014-м, после чего лозунг С. Бандеры вполне воплотился в гражданской войне на Донбассе.

Эти же авторы напоминают, что в период Великой Отечественной войны гитлеровцы, «оставившие в глубоком тылу незначительные силы, фактически выполняли роль надзирателей, а непосредственными исполнителями всех злодеяний были националисты, возводимые ныне на пьедестал национальных героев. Из почти миллионного довоенного Киева в живых после освобождения осталось 183 тыс. человек, каждый третий киевлянин во время оккупации был убит... Подавляющее большинство жертв при-

ходится на долю националистических коллаборационистов, не только рьяно выполнявших приказы гитлеровских хозяев, но и проявлявших незаурядную энергию и инициативу. Это было тогда ясно всем киевлянам, относившимся к коллаборационистам (в подавляющем большинстве своем приехавшим в обозах вермахта из Галиции) с ненавистью и презрением. Даже бывший петлюровский министр Иван Огиенко был вынужден констатировать: «Люди злые, враждебно смотрят на нас, как когда-то, очевидно, смотрели киевляне на татар-завоевателей. Никакого уважения к нам. Всех приезжающих украинцев, то есть нас, называют фашистами, сообщниками Гитлера, хотя это, в известной мере, правда... Немцы действительно поручают нам, честно говоря, самые мерзкие дела» [11. С. 271].

Это и не удивительно, поскольку, когда в период Великой Отечественной войны украинские нацисты-бандеровцы воевали вместе с гитлеровцами против СССР, это отнюдь не был лишь «временный союз» — это было именно *кровное идеологическое единство двух разновидностей нацизма*. В украинском, бандеровском, нацизме есть все те же самые элементы, которые содержатся и в «Майн кампф». Во-первых, это *миф о расовом превосходстве* одной нации над другими и вывод о необходимости господства над ними (в том числе и занятия соответствующего «жизненного пространства»). Миф, который с 1991 г. усиленно пропагандируется в СМИ, школах и вузах, состоит в том, что, в отличие от украинцев как европейцев и древнейших из славян, россияне якобы — это азиаты, наделенные «рабской психологией», и не славяне, а «смесь финно-угров и татар». И если в учебниках этот миф обычно выражается в наукообразной форме, то на уровне массового сознания он всегда приобретает агрессивно-оскорбительный характер, направленный на дискредитацию и отторжение всего российского. Выводом из этого мифа является тезис о необходимости «украинизации» всего того населения Украины, которое является носителем русского языка и российских культурно-исторических традиций. Это население маркируется сознательно унижительной кличкой «совок» и de facto рассматривается как неполноценное, подлежащее перевоспитанию. Иногда по отношению к ним и прямо используется классическое нацистское выражение «недочеловеки», в том числе — публичными политиками. Например, это выражение употребил по отношению к противникам «евромайдана» тогдашний премьер-министр А. Яценюк в своем выступлении в США¹. Оно подразумевает не только тотальное господство украинской идеологии, но и, как показали события 2014 г., физическое уничтожение оппонентов. Причем речь идет не только о боевых действиях на Донбассе, но и о «пропаже без вести» тысяч людей, имевших «пророссийские взгляды». Убийство лучшего публициста Украины О. Бузины неонацистами — это лишь «вершина айсберга». После «майдана» 2014 г. на Украине было убито или пропало без вести несколько тысяч людей с так называемыми пророссийскими взглядами, и еще большее их число до сих пор нахо-

¹ В английском тексте заявления было использовано слово «subhuman», по сути, являющееся калькой с использованного немецкими нацистами слова «untermensch» («недочеловек»). Позднее в английском тексте слово «subhuman» было заменено на «inhuman» («нелюдь»). См.: <http://vz.ru/news/2014/6/16/691357.html> (дата обращения: 29.07.2016).

дится в тюрьмах. Запрет компартии также относится к классическим признакам фашистской диктатуры. Тем самым сущностный признак неонацизма — стремление к полному господству одной нации и идеологии над другими, вплоть до физического уничтожения несогласных, — полностью присутствует на современной Украине.

Во-вторых, это *психология завоевателей и угнетателей*. Подобно тому, как А. Гитлер намеревался заселить европейскую часть СССР «полноценными арийцами», так и идейные украинцы мечтают о так называемой «украинской Украине» — т. е. о том, чтобы все население без исключения заговорило на официальном, искусственно сконструированном украинском языке и свято уверовало в ту нацистскую идеологию, о которой идет речь. Все остальные изначально официально объявляются «врагами украинского народа» и «пятой колонной Москвы». При этом создается лицемерный миф о якобы «вековом угнетении» со стороны России, но именно для того, чтобы замаскировать собственное стремление к угнетению и насильственной «украинизации». А если учесть, что русскоязычные составляют как минимум половину населения Украины, то ситуация становится совершенно скандальной и абсурдной — ведь «неправильной» и подлежащей «перевоспитанию» оказывается половина (!) граждан страны. И эти *колонизаторские* планы активно воплощаются в жизнь начиная уже с 1991 г. — в виде навязывания этой идеологии через систему образования и СМИ, а также абсолютно скандального факта: Украина ныне является единственной страной в мире, где язык половины населения не является государственным или хотя бы официальным! Таких стран, кроме Украины, сейчас вообще не существует.

Не менее скандальным и крайне безнравственным является и то, что украинская власть всегда принципиально отказывалась даже рассматривать идею федеративного устройства государства, которое было бы более чем естественным для страны со столь разными регионами. А в настоящее время такая идея фактически приравнивается к «сепаратизму» и государственной измене — и за публичную поддержку идеи федерализации можно получить соответствующую уголовную статью. Но принятие федеративной конституции с признанием ЛНР и ДНР частями федеративной Украины предусматривается Минскими соглашениями, поскольку именно это является единственной возможностью завершения гражданской войны. Однако из-за массовых выступлений и угроз неонацистов Верховная Рада не может принять даже самый скромный закон об особом статусе Донбасса, предусмотренный этими соглашениями, не говоря уже о пересмотре Конституции.

Столь злобное неприятие идеи федеративной Украины свидетельствует о том, что «идейное украинство» всегда рассматривало русскоязычные регионы (а это около половины территории страны от Харькова до Одессы) фактически как бесправную колонию «правильной», украиноязычной Украины, и поэтому они лишь подлежали насильственной «украинизации» и не имели никакого права на защиту своих прав в сфере языка и идентичности. А в период гражданской войны такое отношение приобрело уже самые вопиющие и варварские формы: население этих регионов систематически оскорбляется уже на официальном уровне, рассматриваясь в качестве неполноценного. Среди бойцов украинских «добровольческих батальонов», состоящих в основном из убежденных

неонацистов, очень популярны не только знаки свастики и эсэсовские руны, но и нашивки на рукаве с надписью «Рабовласник», т. е. «Рабовладелец». Они ярко отражают их отношение к местному населению.

Наиболее авторитетный среди современных украинских националистов и неонацистов идеолог, создатель «интегрального национализма» Д. Донцов, нисколько не стесняясь, требовал от «идейных украинцев» двух главных качеств: *фанатизма* и *аморальности*. Он подчеркивал, что «национальная идея должна была быть аморальной», а реализовать ее должен фанатик, который «считает свою правду единственной, общей, обязательной для других. Отсюда его агрессивность и нетерпимость к иным взглядам»; специфически «украинский» «аморализм предполагает, — по Д. Донцову, — что носители национальной идеи должны подняться над мещанской, обыденной моралью, к ним нужно подходить с иными моральными мерками. Их мораль предполагает ненависть к врагу, даже если он не сделал им ничего плохого, ненависть к “добрым людям”, которые “добры”, т. к. недостаточно сильны, чтобы стать злыми» [5. С. 286]. Поскольку «живут и господствуют только расы, которые не знают сомнений, которые не задумываются над правом на собственное существование за счет слабых» [5. С. 297].

Об «Ордене лучших людей» Д. Донцов пишет: «...где господствует такая исключительность мысли, где противник называется “апостолом дьявола”, где противопоставляется своя идея чужой, как Бог Люциферу, или как религия “трудового народа” горстке “эксплуататоров”, там нет разговора о компромиссе, там лишь демонизм, огонь, безумие, неистовство... А ко всему этому добавляется чувство собственной непогрешимости»; и поэтому лучший способ навязать свою волю по Д. Донцову — это «сеять ненависть к своим. Ширить раскол и взаимное недоверие. В свою хату вносить раздор» [6. С. 179]. В статье «Партия или орден» Д. Донцов писал: «Нужны спор и раздор, нужны войны и братоубийства для оздоровления больной души нации», поскольку нужно «молотом вбить... веру и правду во взбаламученные мозги своего общества, без сожаления добивая недоверков» [6. С. 179].

Эта человеконенавистническая идеология имела глубокие исторические корни. Н. И. Ульянов в своем классическом труде «Происхождение украинского сепаратизма» приводит цитату из статьи журнала «Українська Хата» за 1912 г. (он издавался в Галиции и нелегально переправлялся в Россию): «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ее врагам... Возрождение Украины — синоним ненависти к своей жене москвке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину значит пожертвовать кацапской родней» [18. С. 148]. Такова изначальная суть той особой формы «идейного украинства», которая сейчас на Украине стала государственной идеологией и «единственно правильной точкой зрения».

Людей, попавших под влияние этой идеологии, можно понять. Ведь после 1991 г. население Украины живет в состоянии постоянной разрухи и разочарования. На Украине, в отличие от России, так и не началось возрождение государства и народа, наоборот, разруха все усиливается. И поэтому люди тянутся к идеологии, которая в качестве «компенсации» создает им иллюзию собственного «величия» и, с другой стороны, формирует «образ врага», на которого можно свалить все беды. Кроме того, русофобская идеология позволяет замаскировать зависть населения Украины

к успехам возрождающейся России. Характерный пример: ни один украинский ТВ-канал не сообщил о том, что сборная России завоевала больше всех медалей на сочинской Олимпиаде. В украинских СМИ какой-либо позитивной информации о России уже не было даже во времена В. Януковича, не говоря о нынешних. Здесь всегда полностью господствовала русофобия, в настоящее время достигшая самой крайней степени.

В 2014 г. также в полной мере проявился и другой важнейший атрибутивный признак неонацизма — милитаризация и война за «жизненное пространство на востоке». В ответ на симметричные по отношению к киевскому «евромайдану» действия (захват административных зданий в некоторых городах Донбасса) киевская власть начала боевые действия против населения, которые со временем переросли в настоящую гражданскую войну регионального масштаба. Характерно, что требования протестующих на Донбассе были намного более скромными, чем киевского «майдана», — вовсе не полная смена власти, а всего лишь федерализация страны. Страх перед федерализацией киевских властей, совершенно абсурдный с точки зрения мирового опыта, поскольку почти все самые развитые страны мира являются именно федерациями, — обусловлен их националистическим мышлением. Ведь федерализация Украины делает невозможной реализацию проекта радикального национализма и защищает права русскоязычной половины населения страны.

В полной мере на современной Украине проявился, хотя и в завуалированной форме, еще один атрибутивный признак неонацизма — господство одной-единственной партии. Хотя формально в стране существуют десятки партий, и парламент также многопартийный, в реальности все это — лишь внешняя видимость, поскольку реальной возможности политического выражения альтернативных идеологических позиций не существует. Все они уже заранее объявлены якобы «антиукраинскими» и «антигосударственными», а их представители подвергаются преследованиям, а иногда и физическому уничтожению. Во время президентских и парламентских выборов на Украине 2014 г. все попытки политической деятельности «антимайданных» кандидатов в президенты и депутаты парламента полностью блокировались организованными группами неонацистов. Эти кандидаты и их доверенные лица подвергались нападениям и избиениям даже в городах южной и восточной Украины, а в западную и центральную части страны их вообще не пускали местные власти. Поэтому ни о какой «свободе выборов» на Украине в 2014 г. не может быть и речи.

В Интернете в период тех выборов постоянно варьировались картинки с одним и тем же ироническим названием «Выбери своего фашиста!». По этой причине явка на этих выборах оказалась самой низкой за всю историю Украины — русскоязычная часть страны, не видя никакого реального выбора, массово их игнорировала. А все-таки попавшие в парламент немногие оппозиционные депутаты подвергаются там постоянной агрессии и оскорблениям, прямо именуются «внутренними врагами» и «пособниками врага» (имеется в виду, естественно, Россия). Тот факт, что, поскольку эти депутаты выбраны населением, «врагами» придется объявить и большую часть граждан страны, «обвинителям» даже не приходит в голову. Эти факты — яркое выражение тоталитарного неонацистского сознания, свойственного остальной части парламента. По-

этому последняя фактически оставляет одну радикально-националистическую «партию власти», а ее разделение на несколько разных «партий» связано лишь с различием источников финансирования.

Тип власти, сложившийся на Украине после госпереворота 2014 г., наиболее точно определяется термином «клика». «Чем отличается клика (есть не только французское слово “clique”, но и русское “клык”), проорвавшаяся к власти путем выборов, от действительно выборной власти? ...Отличительная черта клики — отношение к оппозиции. Если оппозицию начинают именовать “врагом”, значит, к власти пришла клика. Именно клика возносит себя над людьми и позволяет себе говорить от имени всех... Клика торопится завоевать национальные символы, так как, присвоив их, называет символом нации самое себя. И тогда каждый свой шаг она провозглашает священным, безупречным и требует, чтобы граждане отказались от критического анализа ее действий... Она создает министерство управления информацией, поручая ему обращать информацию в идеологию» [20. С. 36]. Тоталитарные формы «управления информацией» проявляются, в частности, в полном запрете на территории Украины трансляции любых российских СМИ, преследовании российских журналистов и деятелей культуры. Показательными являлись попытка закрыть «Интер» за трансляцию московского новогоднего концерта 2015 г. и нападение толпы неонацистов на редакцию этого телеканала.

Стоит отметить, что и в предшествующем составе парламента, где была коалиция, созданная вокруг «Партии регионов», а националисты были еще в меньшинстве, имела место та же ситуация. Это меньшинство именovalo правящую коалицию «антиукраинской» и «антигосударственной», игнорируя факт ее избрания большинством населения страны. Это и не удивительно: с точки зрения неонацистской «логики» большая половина населения страны должна считаться «врагами», если она не разделяет их идеологии. При этом националисты себя именovali «демократической оппозицией», откровенно игнорируя самые элементарные понятия демократии.

Это явление является частью более общего феномена: люди, исповедующие неонацистскую идеологию и имеющие ярко выраженный тоталитарный тип сознания с его нетерпимостью и неспособностью к саморефлексии и диалогу с оппонентами, одновременно объявляют себя «приверженцами европейских ценностей» (правда, не умея объяснить, что это такое, и ограничиваясь лишь парой стандартных фраз о «правах личности», которые они принципиально игнорируют по отношению к оппонентам). Этот феномен «расщепленного» сознания давно исследован в литературе, в частности в концепции «сознания-кентавра» Ж. Т. Тощенко [16. С. 30]. Такая внутренняя абсурдность и алогичность массового сознания ярко проявилась и во время так называемого евромайдана, в результате которого неонацисты пришли к власти в 2014 г. Выступая под лозунгами «достоинства», «евромайдан» игнорировал тот факт, что ассоциация с ЕС полностью лишает самостоятельности экономику Украины, окончательно превращая ее в колониальный сырьевой придаток — весьма странное понятие о «достоинстве». Выступая «против олигархов», «евромайдан» напрямую финансировался самими олигархами, а затем привел к власти президента-олигарха — все это уже самые откровенные проявления массового «раздвоения сознания». Каковы же причины таких деформаций массового сознания?

Эти причины уже отчасти были объяснены на аналогичном материале по Прибалтике. Так, А. Усманова в работе «Негативная память о советском как травма модернизации, или О чем “молчит” литовское кино» отмечает, что «негативное отношение в современной Литве к советскому прошлому следует рассматривать не столько в контексте доминирующей интерпретативной схемы (советское время / период оккупации), сколько с точки зрения нерационализируемого отторжения советского опыта как опыта модернизации и радикальной смены всего уклада жизни. Оттого ностальгия по золотому веку в истории независимости Литвы — это в первую очередь реминисценции по патриархальной аграрной культуре и ее ценностям... С другой стороны... именно в советское время сложились условия для вызревания национальной идентичности современной урбанизированной Литвы» [19].

Тем самым рецидивы радикального национализма как в Прибалтике, так и на Украине, — это не что иное как подсознательная тоска по патриархальной культуре и ее «племенным» ценностям. Этим и объясняется возможность логически абсурдного соединения фактического неонацизма с декларативной приверженностью «европейским ценностям»: и то, и другое являются способами отторжения советского и «имперского» прошлого. Это является проявлением того феномена массового сознания, которое Ф. Ницше в свое время описал как феномен *ressentiment* (фр. «мстительность»). По его определению, чувство *ressentiment* «с самого начала говорит Нет “внешнему”, “иному”, “несобственному”: это Нет и оказывается ее творческим деянием. Этот поворот... обращение вовне, вместо обращения к самому себе — как раз и принадлежит к *ressentiment*... всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире» [12. С. 424].

Парадокс национализма, основанного на комплексе *ressentiment*, состоит в том, что он как раз свидетельствует о несостоявшейся нации и комплексе неполноценности, сформировавшемся в массовом сознании по этому поводу.

Парадокс национализма, основанного на комплексе *ressentiment*, состоит в том, что он как раз свидетельствует о несостоявшейся нации и комплексе неполноценности, сформировавшемся в массовом сознании по этому поводу. Действительно, «идентичность» нации — это феномен модерна, в более ранний, племенной (этнический) период ее не существует. Не принимая реальной идентичности той нации, которая приобщила этнос к модерну (для западных украинцев — это только СССР и «советский народ», для остальных — частично и Российская империя), они пытаются выстроить псевдоидентичность из обломков родового сознания, с одной стороны, и из поверхностно-эпигонского усвоения элементов европейской культуры, с другой; но и то, и другое совершенно утопично и национальной идентичности создать не может в прин-

ципе, ибо последняя создается только реальным опытом модерна. А этот опыт был у украинцев исключительно общерусским и общесоветским.

В результате возникает, с одной стороны, некая *симуляция* идентичности при ее реальном отсутствии, а с другой — отторжение того реального опыта модерна и той реальной идентичности, которую он создал. И именно в этом — причина агрессивной русофобии и антисоветизма современного «украинства». За ним стоит *бессознательное чувство вины за предательство своей реальной, а не выдуманной общности*, созданной модерном (в данном случае — общерусской и общесоветской общности). Эта вина переживается хотя и бессознательно, но тем острее, что *все реальные культурные и исторические достижения самого южнорусского этноса, именуемого ныне украинцами, были именно в общерусском и советском прошлом, а период независимости не принес ничего, кроме тотальной деградации*. Это феномен, часто бывавший в истории. О его сути писал еще Тацит: «Beneficia usque loeta sunt dum videntur exolveri posse; ubi multum antevenere, pro gratia odium redditur [Благоденствия до тех пор принимаются с признательностью, пока за них надеются отблагодарить; но становясь слишком большими, вызывают ненависть]» (*Tacitus. Ann. IV.18*).

Об этом же позднее писал мексиканский писатель и философ, Нобелевский лауреат 1990 г. О. Пас: «...я не знаю случаев, когда чувство вины перерастало бы во что-нибудь, кроме мстительности, одинокого отчаяния или слепого идолопоклонства» [13. С. 258]. О. Пас фиксирует закономерность, свойственную человеку и человеческой общности лишь в их «естественном» состоянии, не «обремененном» никакими нравственными усилиями.

Именно этот закон массовой психологии зафиксирован в парадоксальных на первый взгляд, но оказавшихся пророческими, размышлениях Достоевского: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит... Начнут они непременно с того, что... убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись... я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению»; при этом эти народы будут «трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» [8. С. 373—375].

* * *

Реальная идентичность населения Украины *de facto* является локальным вариантом постсоветской идентичности, почти не отличающейся от культурной идентичности россиян. Поэтому сознательная попытка выстроить *другую* идентичность неизбежно сводится к фанатическим усилиям *разрушить* свою *реальную* идентичность, вследствие чего ни сил, ни навыков для позитивного созидания «другой» уже не остается. Создается некая парадоксальная антиидентичность при отсутствии всякого позитивного

наполнения. Возникает и особый культурно-исторический *невроз симулятивной идентичности*, и именно отсюда — тот эгоцентризм и комплекс неполноценности как доминанты массового сознания, о которых писали киевские социологи. *Невротический коллективный нарциссизм как следствие травмы модернизации является иллюзорным «компенсатором» коллективного чувства неполноценности*, порожденного упадком и маргинализацией этнокультурной общности в современном мире.

На этой глубинной, экзистенциальной почве и формируется тот психологический тип «идейного украинца», для которого неизбежно, по классической характеристике Н. С. Трубецкого, всегда свойственны «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности... дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией» [17. С. 373]. Общаясь с «идейными украинцами», каждый раз ужасаешься, в какую «экзистенциальную яму», в какую культурную и психологическую резервацию они сами себя загоняют. Их обычным состоянием является поза вечной обиженности, ощущение постоянной окруженности врагами и предателями, сочетающаяся с особой злобой, надменностью и агрессивностью по отношению к инакомыслящим, которые фактически воспринимаются как недочеловеки («манкурты», «янычары», «бандиты», «пятая колонна» и т. д.). И пребывание в таком состоянии естественно и неизбежно уже приводит к разрушению любых нормальных нравственных понятий — отсюда возникают полная неспособность к диалогу и самокритике, комплекс «я всегда прав». Единственным способом общения с оппонентами становятся злоба, хамство и истерика.

Эта неспособность видеть Другого, замкнутый монологизм сознания — признак архаичности типа сознания, не прошедшего модерн и продолжающего воспринимать социальную общность по архаической модели «свое» (хорошее) — «чужое» (плохое, враждебное). Поскольку понятие «свое» переносится на все население Украины при полном игнорировании его культурно-мировоззренческой неоднородности, то возникает, по сути, тоталитарная установка — требование унификации взглядов всего населения на происходящие события и навязывания всем своей собственной «идентичности». Те, кто не хочет подчиняться этой установке, автоматически квалифицируются как «враги Украины». Этот явный рецидив классического тоталитарного сознания несколько уравнивается наличием неофициального уровня общения людей, имеющих возможность выражать свои взгляды в кругу единомышленников; но если это выходит на уровень публичности, то сразу же подвергается репрессиям.

Публицисту Вяч. Липинскому, искавшему причины неудачи украинского самостийничества в период гражданской войны, принадлежит термин «государство-разрушительный национализм». Он отмечал, что «характерной особенностью украинского этнонационализма является желание прислуживать внешним силам для получения поддержки в подавлении сопротивления внутри страны». Этот, по его выражению, «украинский шовинизм для лавочников» поэтому «всегда будет представленный типами озлобленных и эгоистических типов, которые своей бессильной злобой все творческое, жизнеспособное на Украине от Украины будут отгонять» [цит. по: 11. С. 387]. «Увы, — писали еще в 2008 г. Г. К. Крючков и Д. В. Табачник, — именно по-

добные типы вновь у руля высшей государственной власти делают все возможное для провоцирования гражданского противостояния, разжигания межнациональной и межрелигиозной вражды. Вновь они опираются на зарубежных хозяев, заинтересованных в создании антироссийского плацдарма» [11. С. 387—388]. С тех пор ситуация лишь усугубилась.

Принципиальный вопрос, почему подобные представления продолжают находить достаточно широкий отклик и становятся фактом массового сознания? Понятно, что это было бы невозможно без применения манипулятивных технологий и простого обмана. Однако важнее увидеть и объективные предпосылки временной популярности радикального украинского национализма. Как показывает опыт, «украинская идея» выполняет функцию, пользуясь термином А. И. Солженицына, «отрицательного отбора», втягивая в число своих приверженцев в первую очередь людей эгоистически озлобленных, обремененных комплексом неполноценности и поэтому стремящихся к самоутверждению за счет принижения инакомыслящих, а также откровенных приспособленцев. Однако важно заметить, что в наше время уже многие адепты радикального украинского национализма — это русскоязычные, многие из которых даже не умеют разговаривать на официально принятом украинском языке.

Точное объяснение этому факту дает С. Н. Сидоренко: «Для русского и русскоязычного населения Украины, составляющего не менее половины всех ее жителей, всегда были характерны духовная незаполненность, пустота. Всю жизнь разговаривая на русском языке, эти люди в массе своей совершенно не подозревали о духовных богатствах тысячелетней культуры, стоящей за этим языком. Когда их стали вынуждать поменять их язык и культуру на нечто другое, они безропотно согласились, оттого что были не затронуты этой культурой — так что, по сути, им и не пришлось ничем жертвовать» [15. С. 247].

Эта ситуация является далеко не новой и вообще «классической». Наблюдавший за событиями 1918—1920 гг. академик Н. К. Гудзий сделал вывод: «Самостийники и количественно и качественно... незначительны и вербовались они или среди галичан, или среди тех, кто на всякой политической идеологии способен был делать себе карьеру... Для кого большая духовная культура России была пустым звуком, о тех можно сказать, что за душой ничего у них не было и, отказываясь от России, им терять было нечего» [4. С. 186]. Совершенно аналогичный процесс наблюдался и в период распада СССР, когда республиканские партноменклатуры «приватизировали» свои республики под видом «независимых» государств. Это произошло почти без какого-либо сопротивления русскоязычных граждан, составляющих около половины населения Украины. Как отмечает С. Н. Сидоренко, «количественно ничтожная часть нынешних граждан Украины, — включающая население трех областей Галиции и кучку “национально сведомых” киевских “интеллектуалов”, — которая имела хоть и примитивную, но собственную идеологию, состоящую из самохвальства и завистливой враждебности ко всему русскому, — легко смогла подчинить себе всю эту огромную пустоту, наполнив ее своей идеологией» [15. С. 247].

Заметим, что тем самым внешняя «массовость» принятия идеологии украинского национализма, в том числе и русскоязычным населением, создает эффект «тройного коня». Вся эта внутренняя культурная пустота

теперь входит в самую суть этой идеологии, для принятия которой вовсе не нужно подлинных знаний и убеждений, но нужно лишь бессмысленное повторение нескольких мифов, тешащих самолюбие. В этом отношении современный массовый украинский национализм является преемником советской идеологии и явно опирается на многие ее стереотипы: например, на культ «светлого будущего», которым теперь является уже не коммунизм, а «европейский выбор», — но его утопическая суть одна и та же.

* * *

Анализ поставленной проблемы позволяет сделать следующие обобщающие выводы. Причины массового распространения украинского национализма состоят в том, что он является 1) мощным психологическим компенсатором реального процесса социокультурной деградации общества; 2) психологическим компенсатором подсознательного чувства исторической вины — предательства своей подлинной общерусской и советской идентичности, отказа от подлинной исторической памяти и большой культурной традиции ради агрессивного провинциализма; 3) заполнением культурной пустоты массового сознания, создающим образ иллюзорного «величия».

Литература

1. **Бабенко В. Н.** Украина в паутине национализма: политические и правовые последствия // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 211—221.
2. **Бялый Ю.** К чему стадам дары свободы... — <http://ss69100.livejournal.com/1587301.html> (дата обращения: 30.07.2016).
3. **Гозман Л. Я.** Психология перехода // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 173—186.
4. **Гудзий Н. К.** Конец украинской самостоятельности // **Филимонов С. Б.** Интеллигенция в Крыму (1917—1920): поиски и находки источниковедца. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2006. С. 184—189.
5. **Донцов Д.** Націоналізм. Изд. 3. Лондон, 1966.
6. **Донцов Д.** Партія чи орден // **Он же.** Хрестом і мечем. Твори. Торонто, 1967. С. 159—181.
7. **Донченко Е., Овчаров А.** Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1. С. 173—190.
8. **Достоевский Ф. М.** Дневник писателя. СПб.: Азбука-классика, 2010.
9. **Игрицкий Ю. И.** Украина в огне // Россия и современный мир. 2014. № 3 (84). С. 56—86.
10. **Ионин Л. Г.** Фашизм — патология истории // Социологические исследования. 1986. № 4. С. 154—159.
11. **Крючков Г. К., Табачник Д. В.** Фашизм в Украине: угроза или реальность? Харьков: Фолио, 2008.
12. **Ницше Ф.** К генеалогии морали // **Он же.** Сочинения. М.: Наука, 1990. Т. 2.
13. **Пас О.** Дохлак и другие крайности // **Он же.** Избранное. В поисках настоящего времени. М.: ТЕРРА, 2001. С. 247—260.
14. **Райх В.** Психология масс и фашизм. М.: АСТ: Мидгард, 2004.
15. **Сидоренко С. Н.** Украина — Россия: преодоление распада. Киев: МиП, 2006.
16. **Тощенко Ж. Т.** Кентавр-проблема как особый случай парадоксальности общественного сознания // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 29—38.
17. **Трубецкой Н. С.** К украинской проблеме // **Он же.** История. Культура. Язык. М.: Наука, 1995. С. 359—381.
18. **Ульянов Н. И.** Происхождение украинского сепаратизма. М.: Вагриус, 1996.
19. **Усманова А.** Негативная память о советском как травма модернизации, или О чем «молчит» литовское кино. — <http://www.nlobooks.ru/node/1686> (дата обращения: 30.07.2016).
20. **Юозайтис А.** Анатомия клики // Век XX и мир. 1991. № 10. С. 36—38. ◆